

Излечима ли болезнь этноцентризма? ч.2

[Виктор Шнирельман](#)

Из опыта изучения конструирования образов прошлого

Продолжаем публиковать фрагменты из статьи археолога, этнолога и антрополога, доктора исторических наук Виктора Александровича Шнирельмана «Излечима ли болезнь этноцентризма? Из опыта конструирования образов прошлого — ответ моим критикам», опубликованной в журнале «Политическая концептология» в 2013 году.

Почему мифологизация прошлого происходила в нашей стране, и как это было связано с советской внутренней политикой? Известно, что Советский Союз был организован по этнонациональному принципу и состоял из отдельных республик (союзных и автономных), существование которых находило легитимацию в наличии, так называемых, титульных этносов, составлявших их ядро. При этом право на свою республику мог получить только тот народ, который был способен убедительно доказать свое культурное и языковое своеобразие, причем немалую роль в этом играла отсылка к «самобытному историческому пути». Чем протяженнее был этот путь, чем большая его часть связывалась с политической самостоятельностью и выдающимися культурными достижениями предков, тем основательнее выглядели претензии на политическую автономию.

Депортация народов Кавказа

Исходно такие республики должны были стать залогом сохранения этнических языков и культур, оказывавшихся под угрозой исчезновения в условиях ускоренной модернизации. Между тем, быстро выяснилось, что, так как республики оставались гетерогенными по этническому составу, то само по себе наличие титульных народов, пусть и формально не закрепленное конституционно, вело к ситуации этнического неравенства, выражавшегося в самых разных областях, начиная от дележа государственных должностей до сферы образования, трудоустройства и организации отдыха. Создалась ситуация неформальной этнической дискриминации, порождавшая напряженность во взаимоотношениях соседних этнических групп, одни из которых всеми силами стремились сохранить приобретенный большими усилиями высокий статус, а другие боролись за повышение своего статуса.

Эта борьба велась, прежде всего, между местными элитами и временами выплескивалась наружу в виде самых разнообразных произведений, взывающих к исторической памяти. При этом мало кто отваживался затрагивать недавнее трагическое прошлое (скажем, сталинские депортации народов), — такие темы были табуированы и находились под пристальным взглядом советской цензуры. Поэтому в поисках героики и славы местные интеллектуалы обращались к эпохе средневековья или к дореволюционному прошлому, однако и здесь их подстерегали опасности – настороженность и неприятие у советских цензоров вызывали равным образом как воспоминания о восстаниях и освободительной борьбе местных народов против имперской власти (например, движения Шамиля), так и попытки прославления местных правителей, жестоко расправлявшихся с соседними народами (например, Кенесары-хан). Даже обращение к местным героическим эпосам могло вызывать у власти тревогу, за которой следовало обвинение в прославлении «феодально-байских обычаев», имевшее тяжелые последствия для тех, кто подвергался такой критике. В то же время легитимация республик требовала не переменного обращения к прошлому, ибо каждый титульный народ обязан был иметь свою самобытную историю, доказывавшую его право

на политическую субъектность в рамках установленных территориальных границ.

В таких условиях каждый местный историк, занимавшийся написанием истории своего народа, оказывался в положении солдата на минном поле – любой неосторожный шаг мог стать последним. И вовсе не случайно регулярно прокатывавшиеся по стране кампании борьбы с национализмом с железной последовательностью ударяли по историкам и художественной интеллигенции, обвинявшимся в «идеализации прошлого» и «прославлении [неправильных] предков». Примечательно, что любая такая кампания вела к новому витку переписывания истории и, нередко, к поиску новых предков, в результате чего в местной историографии можно обнаружить несколько разных образов предков, популярных в те или иные периоды советской истории. Тем не менее, каждое новое поколение историков с удвоенной энергией вновь и вновь бросалось на эти поиски, до мельчайших деталей повторяя путь своих незадачливых предшественников.

Шамиль — предводитель восточных кавказских горцев, признанный имамом Северо-Кавказского имамата

Сегодня никого не удивит утверждение о том, что каждый народ имеет гетерогенное происхождение, у каждого имеется по несколько исторических предков – одни снабдили его языком, другие – культурой, третьи – физическими особенностями. Однако именно множественность предков открывает возможность выбора, когда в дело вступают политика и идеология (или этнические эмоции). **Иногда особую привлекательность представляют предки-завоеватели, которым приписывают культуротворческую миссию (такой образ обычно сопутствует колониальному менталитету), а иногда – предки-автохтоны, образ которых важен для предъявления исторических прав на территорию.** Именно с этим выбором мы и имеем дело, когда местная политика требует предъявления «полезных предков». Когда-то таким предкам надлежало отличаться «расовой чистотой» или «чистотой крови». Но сегодня такой подход однозначно считается «расистским». Поэтому теперь споры обычно ведутся о другом – какие из предков были более многочисленными и какие сделали наибольший вклад в формирование современного народа. Но так как решение таких проблем зависит от обращения к весьма скудным и допускающим неоднозначную интерпретацию данным археологии, лингвистики и этнографии, то никакого четкого ответа на подобные вопросы наука дать не может, а те, кто все же рискуют давать такой ответ, основываются на вере и этнонациональных эмоциях, а не на рациональном знании.

Это-то и ведет к бесконечной и безнадежной борьбе за предков, в которой, к сожалению, нередко участвуют и специалисты. В этой связи показательно, что в условиях неопределенности, связанной с недостатком наших знаний, некоторые специалисты выбирают те интерпретации или тех предков, которых требуют этнические эмоции. В еще большей мере это, разумеется, свойственно неспециалистам, увлеченным историей своего народа. Прошлое соседних народов их заботит мало; они лишь с пристрастием следят за тем, чтобы те не покушались на то, что они считают своим собственным историческим наследием. О каком-либо общем наследии здесь не вспоминают – все распределено и поделено. И, вопреки надеждам отдельных миротворцев, не помогает даже апелляция к общим предкам – ведь в условиях этнической напряженности, тем более, этнического конфликта, ни о каких общих предках не может быть и речи. Так и возникают курьезные ситуации, когда отдельные интеллектуалы находят для своего народа прямых «палеолитических предков»

.....

Наконец, что сегодня могут сделать специалисты, чтобы ситуация изменилась к лучшему? **Мне представляется, что следует кардинально изменить наш подход к древности, перестав рассматривать ее сквозь «этнические очки», так как именно последнее порождает мифологизацию далекого прошлого.** Ведь итальянцы не выводят себя напрямую из Римской империи, а греки – от античных греков. Современные французы тоже избегают проводить непрерывную линию преемственности между собой и галлами, хотя в прошлом это пользовалось у них популярностью. И дело здесь не только в чувстве гражданской ответственности и осторожности, а, во-первых, как отмечалось выше, в гетерогенном составе современных народов и множественности предков, а во-вторых, в том, что в первобытности и раннем средневековье отсутствовали этносы в том смысле, в котором они сегодня понимаются, т. е. как культурные и языковые общности.

Изучение традиционных народов показывает, что там в основе идентичности лежали прежде всего социальные, а не культурные или языковые факторы. Поэтому ставшие популярными и поддержанные немалым числом ученых расхожие представления о, скажем, скифах, аланах, гуннах, древних тюрках, славянах и пр. как об отдельных «этносах» вряд ли соответствуют реальности. Все это были конгломераты племен, включавшие самые разные компоненты, и их члены вряд ли ощущали свою общность, даже если говорили на одном языке. Поэтому следует отказаться от представлений об «этносах» в первобытности и раннем средневековье, и вместо этногенеза следует говорить о культурогенезе и лингвогенезе, отчетливо представляя себе, что речь идет об искусственно сконструированных общностях, лишенных социальности. Если специалисты с этим согласятся, отпадет необходимость искать «этнических предков» в глубинах первобытности.